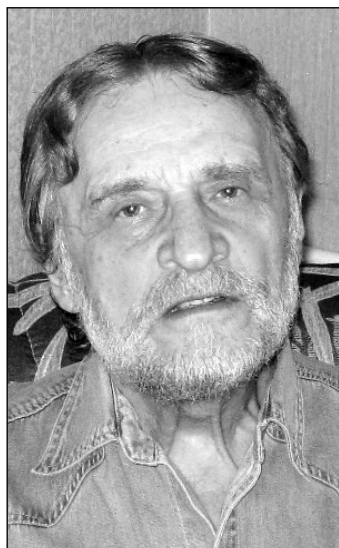

Поздравляем нашего автора Вячеслава Лопушного с 80-летием! Желаем крепости духа и доброго здоровья!

Вячеслав ЛОПУШНОЙ

ПРИЗНАНИЕ

Рассказ

Бывает же такое! Две родные сестры, Таня и Вера, одна кровь, одна плоть, одним молоком вскормленные! А как будто с разных планет... В соседях Сергея Александровича по дому и проживало это интересное семейство с красивой фамилией Новосветовы. Впрочем, вовсе не интересных семейств и не бывает... Мать с двумя дочками. Отец их рано умер, успев, однако, поднять дочек. Они с женой были то ли кандидатами, то ли даже докторами каких-то наук, дочери – школьные учительницы, старшая преподавала математику, младшая – русский язык и литературу. Эту младшенькую иногда соседи во дворе – были тому причины – за глаза, конечно, и не вкладывая ничего предосудительного, ласково называли блажененькой...

А Сергей считался известным в крае художником, когда-то, случилось так, сменившим шахтерский отбойный молоток на кисть. Потомственным горняком Сергей не был. Но это было время, когда он, молодой инженер на заводе, зарабатывал 120 руб., а в шахте можно было заработать впятеро больше, попав, конечно, на благополучный участок с обильными пластами и в хорошую бригаду. В такую старый товарищ-шахтер и подсобил устроиться. «Неужели 600 рублей буду получать? Пряма как первый секретарь обкома» –

93

не мог поверить Сергей. Приятель улыбнулся: «Нет, получает секретарь, а ты заработаешь». И «на шахте угольной паренька приметили», ибо вкалывал он, себя не щадя. Длинный рубль ему был очень кстати, ведь уже стал отцом семейства. А пока ходил холостым, откуда ни возьмись появилась страсть к живописи, и его работы вызвали одобрение художников-профи. И еще грешок за ним водился: стишки пописывал. Правда, никому их не показывал. Но пришлось на время закопать свои таланты, хобби ли...

Однако недолго музыка играла... Бог уберег от худшего, но спину Сергей поломал. А тут как раз нежданно-негаданно стали продаваться его картины, приняли в Союз художников. И он уже не колебался, оставил шахту... Заказные полотна плюс халтурки на солидных предприятиях – жить можно было, не бедствуя. Шли годы, известность его росла. Вступил в партию. Обком изрядно расширил квартиру. Как там у классика – «очень правильная наша советская власть». И вот уже лет тридцать он обитал в этой разновысокой (пять и шесть этажей) сталинке с лепниной и прочими прибабасами, построенной в начале пятидесятых. Дети давно упорхнули из гнезда, зато внукам было просторно гостить и играть в его трешке. Как и положено сталинскому дому,

ЛОПУШНОЙ Вячеслав Михайлович родился 30 ноября 1945 года в Кемерове. Окончил шахтостроительный факультет КузГТУ по специальности «инженер-строитель». Работал на стройке мастером, прорабом, главным инженером стройуправления, много лет в проектно-институте – главным инженером проектов. Печатался в сибирских и столичных антологиях и журналах, в русскоязычных изданиях Канады, США и Германии, где вышел один из его сборников. Автор семи книг стихов, малой прозы, эссе. Стихи переводились на сербский, таджикский и украинский языки. Лауреат 1-й премии поэтического фестиваля-конкурса «Русский стиль-2011» (Германия). Член Союза писателей России. Живет в Кемерове.

на его фасаде бессрочно красовалась огромная мемориальная доска в честь деятеля партии тридцатых годов, поскольку улица носила его имя, а дом сей – самый внушительный на ней. Доска куда меньших размеров увековечила архитектора здания. А третья сообщала, что дом является охраняемым памятником архитектуры города и трогать его не могли, а то... Сергей, улыбаясь, говорил жене: «Да, мемориальную доску «В этом доме жил и творил выдающийся Сергей Александрович» непросто будет тебе организовать. Боюсь, фасад не выдержит перебора мрамора. И без того трещина через весь дом проходит».

А Сергей и правда в последние годы изрядно поплохел, тяжело и криво опирался на клюку с глубоким локтевым упором, считай, костыль. Что поделаешь: лета невеселые... да и когда-тошний отбойный молоток теперь, что называется, боком вышел. Из дома выбирался нечасто. Особенно зимой. Боялся упасть и костей не собрать. Знал когда-то виды, а ныне... Оставалось подтрунивать над собой. Если спрашивали о здоровье, отвечал старинными черноватыми шутками: «Настроение бодрое – идем ко дну!», «Не в курсе, вскрытие покажет». Или каламбуром, который сам придумал: «Свои года-невзгоды чудесно я влачу. Хожу, как Квазимодо, и косноязычу». Нет, не сдавался. Придумал себе вместо улицы моцион: шесть этажей вниз и обратно по нескольку раз. Дом-то так и так безлифтовый. И с гордостью спрашивал-докладывал взирающим на его кроссы соседям: «А за сколько минут вы 36 этажей одолеете? Я за два выхода их прошел с новым вселенским рекордом: 42 минуты! Не зря же марафон когда-то пробежал»...

Сестры-соседки, конечно, слышали, что он – записной художник со званием, член чего-то у нас и за кордоном, где тоже выставлялся: были времена, когда его и в местный телеящик приглашали. Но, пожалуй, зауважали они его только после того, как он выиграл у них спор об одной тонкости русского языка, которая не на слуху. К великому и могучему он был равнодушен... Выигранный им торт съели вместе. Разговорились. Они, само собой, с большим запасом ему в дочку годились. И он тщетно настаивал, чтобы они его по бабушке не величали...

Понятно, девочки эти уже в возрасте были. Не сказать, чтоб красавицы, но приятные. Старшей – Тане – за сорок, была замужем, да не очень долго: вернулась под мамино крыло, своих птенцов не нажив. Высокая, но тоненькая до про-

зрачности, таким в молодости Сергея комплимент отвешивали: «девушка, повернитесь в фас, вас в профиль не видно!» При этом в семье она командовала парадом. Рациональная, продвинутая, пробивная в делах ЖЭКа. Вот с кем надо было Сергеем покрепче сдружиться! Эта и губернаторскую прибавку к пенсии пробьет, и вожделенную доску на фасад прибьет, если что... Таня давно покинула школу как службу, зато к ней не зарастала народная тропа: валом шли оболтусы обоих полов, на коих родители денег не жалеют. Она почти каждый год ездила на теплые моря отдыхать-загорать. А чего не ездить – молодая еще женщина. Все-таки занятно это наше: «еще молодая женщина». В этом «еще» в разных случаях может содержаться прибавка к натурально молодой – годов тридцать! 40–60 лет? Молодая еще женщина... Сергей, когда ссорился с женой, нет-нет с улыбкой ронял цитату из бразильского сериала: «Летисия, ты еще достаточно молода и хороша собой. Ты еще вполне можешь устроить свою жизнь...»

Помогало.

Младшей сестре Вере тоже уже под сорок. Но смотрится гораздо моложе. Невысокая. Зато ладненькая фигурка, все при ней. Первое, что, глядя на нее, приходит в голову, – тургеневская или толстовская девушка... Теплый взгляд с поволокой. Невероятно похожа на непорочную Катю Маслову из «Воскресенья», какой та показана в фильме. Потом что-то из блоковской «Незнакомки» волной накрывает... Кажется, нимб над ее головой виден в любую погоду даже тем, кто не знает, что такое нимб... Спутника так и не нашла. Скорее всего, не больно-то и искала. Лишь однажды за все время соседства Сергей увидел ее оживленно беседующей с парнем. Тот был из строителей, что занимались реконструкцией катастрофично поплывших фундаментов их едва не рухнувшего раритетного дома... Началось с мощного толчка, разбудившего жильцов ночью, от которого даже кое-где покосились проемы дверей. Думали землетрясение, а оказалось – фундаментные колонны резко подсели... Так вот, та беседа продолжилась и при ясной луне: Сергей увидел их, взявшихся за руки, гуляющих в сквере возле дома. Парень из гастарбайтеров, похоже, таджик, явно моложе ее, симпатичный, не отнять, с приличным русским языком. Возможно, поэтому красавчик не вызвал у Сергея отторжения, несмотря на очевидность его не самых благородных намерений.

Но, конечно, художнику не могло не вспомниться нечто остаповендеровское: «Молодой человек, не жмите девушку, я ревную!» Само собой, не вслух. Показалось, что Вера также стихийно поплыла, как и дом. Может быть, впервые влюбилась, глаза у нее горели. Сергей Александрович понимал, что не его это дело, но все же решился, улучив момент, отвлечь на пару минут таджика от работы. Для начала леща ему подбросил: «Ты – умный парень и на русском хорошо изъясняешься. Видишь нимб над головой Веры? Такую девушку обмануть-обидеть нельзя: ни Богородица, ни Аллах не велят». Тот ответил что-то не слишком внятное. Но вежлив был, чертяка. По-восточному почтителен с тем, кто в деда ему годится. Что там у них было, бог весть. А, может, и лучше для нее, если что-то было?.. Но через два месяца все строители уехали, и таджик больше не появлялся. А Вера вернулась к своей прежней, такой привычной домашней пристани.

С той поры около десятка лет минуло. И, наверное, ничего и никогда в ее жизни уже не изменится... Почему во дворе за глаза любовно называют Веру блажененькой? Уже который год у нее под опекой и на содержании кошачья орава, что проживает в подвале, где находится тепловой узел. Что ж, пусть лучше они там квартируют, чем знамо кто. Достойная пера картиночка, когда перед подъездом в ожидании ее, к часу назначенному, собирается очередь котят. А их меню, наверное, позавидовали бы и хорошо устроенные домашние кошки голубых кровей. Сергей предлагал девушке свое доленое участие в расходах, но она категорически отвергла: «не разорюсь»... Доброты, по всему видно, в ней с избытком – не на одних кошках. Всякий раз, если Сергей подходил к дому во время трапезы четвероногих, Вера, прерывая процесс поглаживания своих питомцев, мчалась с ключом-чипом, опережая его, чтобы открыть и придержать дверь подъезда. Дверь, что жестко пре-

следовала входящего, точно как старушек дома престарелых из «Двенадцати стульев»...

Ну почему такая несправедливость в мире?! Ведь она для любого мужчины могла бы стать верной заботливой женой и матерью прекрасных детей!.. Иногда Сергей ее останавливал, говорил о необязательных вещах, лишь бы поговорить: о том, что фундаменты еще полвека выдержат, что больше не будет у них «домотрясений». Теперь и о пандемии, о карантине. Вера жаловалась, что порой до пяти утра приходится сидеть над комп-дистанционкой... Но как-то заговорили и о художниках. Сергей, чего греха таить, рассчитывая на сочувствие, доверительно поделился ощущением, насколько ему сейчас близко изречение одного большого художника: «Когда у меня не осталось ни сил, ни зубов, я научился живописи...». Потом он сел на любимого конька, с жаром доказывая, что рисовальщик обязан быть отчасти поэтом, иначе его картины в лучшем случае будут только подобием цветных стереофотографий и что наиболее густа поэзия – у импрессионистов. Вера, правда, предпочитала корифеев ренессанса и классицизма. «Ну, что ж, поздравляю, у тебя традиционная правильная ориентация», – скаламбурил Сергей напоследок.

Однажды, «перекуривая» на подоконнике между этажами подъезда, он мягко задержал ее руку, потому что понял – надо успеть ей это сказать, пока живой, ибо больше никто ей такого уже не скажет: «Вера, ты помнишь короткий монолог Пьера перед Наташей – в конце “Войны и мира”?» Конечно же, она помнила, он мог бы и не спрашивать: ведь она все читала... «Просто не могу не повторить его с малой своей добавкой... Вера, милая девочка! Если бы я был не я, а красивейший, умнейший и вообще лучший человек в мире, и был молод, здоров и свободен, я бы сию минуту на коленях просил руки и любви твоей...» Она смущенно улыбнулась: «Спасибо...» И, не задерживаясь больше, стала подниматься на свой этаж. Плечи ее подрагивали...

